

— Сумасшедший дом у меня начинается обычно с апреля, — улыбается хозяйка дачи. — Друзья удивляются, как я до сих пор не попала в ДТП. Я же езжу так: в одной руке руль, в другой — телефон, в третьей — бутерброд... Все приходится делать на ходу. В гости к Нине Тихоновой-Визбор мы пришли в самую что ни на есть горячую пору. Ежегодно в июне, в день рождения Юрия Визбора, Нина Филимоновна и ее команда устраивают концерт. А поскольку этот год особенный — 70 лет Визбору и 20 лет со дня его смерти, — то и мероприятие будет как никогда грандиозное — выступления растянутся на два дня. Поэтому с утра до ночи на даче Тихоновой заседают "худсовет" и ежеминутно звонит телефон: ни один уважающий себя бард не может пропустить такой концерт.

"А также в области балета..."

— А что было до встречи с Визбором? Из какой вы семьи?

— Это караул полный — из какой я семьи. Я даже скрывала одно время. Мне казалось, что иметь такую благополучную семью неприлично. Папа у меня был генерал контрразведки. Потом его разжаловали при Хрущеве и сослали в Шепетовку. Но и там мы жили в достатке. Помню, мама давала мне в школу завтраки, и я по очереди кормила своих одноклассников. Потом — Львов, дальше — Харьковский университет, географический факультет. Мне было все равно, где учиться, — лишь бы получить высшее образование.

— Неужели не было никаких интересов?

— Меня всегда тянуло к гуманитариям, но там был такой конкурс, что девочка из провинции, как я думала, никогда не пройдет. Поэтому — геофак. После первого курса — первый поход: через перевал в Сухуми. На второй же день я бросила в ущелье свой рюкзак с едой. Потому что тащить его не могла. Я поняла, что выбрала профессию по ошибке, что как жила я на мягком диване, так и буду продолжать — это моя жизнь. Меня наказали — отлучили от обедов, давали только завтрак и ужин. Со мной никто в группе не разговаривал. Я думала: только бы дожить до Сухуми, а там — на поезд и домой. Я твердо решила: никогда в жизни больше не пойду в поход. Но, как говорится, не зарекайся. Когда встретила Визбора, он повесил мне на плечи рюкзак. И какой он был легкий. И как я бежала за Визбором с этим рюкзаком по жизни 10 лет...

— Вы познакомились не в юном возрасте?..

— Мне было 36 лет, а Визбору — 40. У каждого за плечами — серьезная жизнь. Я была замужем дважды, а Визбор — женат два с половиной раза. Последний его брак длился меньше года и сильного следа не оставил.

Первый мой муж был народный артист балета, солист Большого театра Владимир Тихонов. Я, как чеховская душенька, сидела и переживала, как он сделает батман, как закрутит фузе... Он танцевал и с Плисецкой, и с Максимовой. Это была плеяда очень сильных танцовров — Владимир Васильев, Катя Максимова, Бессмертнова, Тихонов, Фадеев. Причем жили мы все в одном подъезде — в доме Большого театра на Малой Грузинской. С них началось триумфальное шествие советского балета по миру. Это и про них у Визбора: "А также в области балета мы впереди планеты всей". Но для меня балетный мир был чужим. Он замкнул только на танце.

— Наверное, к тому же это аскетичный мир — ни поест, ни выпить?..

— Не то слово. Форма, форма, форма... Все в балетных семьях подчинено только тому человеку, который занимается балетом.

"О, моя дорогая, моя несравненная леди..."

— Помню, когда порог моего дома переступил Визбор. Я только что разошлась со вторым мужем. Визбор пришел на день рождения моей подруги, которая жила в соседнем доме, но по каким-то причинам она не могла праздновать у себя. Я, как хозяйка, встречала гостей. В том числе открыла Визбору. И сразу увидела, что это человек поразительного обаяния. Второго столь обаятельного человека я больше не встречала.

— Вы знали, кто такой Визбор?

— Понятия не имела.

— Но он уже сыграл Бормана в "Семнадцати мгновениях..."?

— Когда шел фильм, я была в Венгрии и пропустила серии с Борманом. А что есть такой Визбор, который поет песни... увы. Хотя песни слышала: "Охотный ряд", "Сергея Санин"... Я думала, что они народные. В компаниях же не говорили: давайте споем Визбора или Кукина. Просто пели "А я еду за туманом" — и я подпевала, но не подозревала, что есть кто-то, кто это все придумал.

Когда он зашел, внутри экнуло: какой интересный мужичин! Я жила на 9-м этаже на Кузовском проспекте, и вид из окна был потрясающий — Москва как на ладони: Арбат, высотки. Все, что

ни приходил, говорили: "Нин, какой у тебя вид из окна". Вечером, когда зажглись огни, Визбор подошел к окну и тоже говорит: "Какой вид! Пожар, я из этого дома никуда не уйду". — "Время покажет", — отвечаю. Он был в тот момент в стадии развода. Чего я тоже не знала, обреченных колец он никогда не носил. Сколько он рассказывал истории! Я все думала: "Какой мужик интересный, какой талантливый, какая память!" В два часа ночи он спросил, нет ли гитары. У меня не было, но именинница — Тамара Покрышкина — сбегала к себе.

— А она знала, что это "тот самый" Визбор?

— Да. И она не зря его пригласила. На предмет, значит, чтобы у меня грусти не было. Я ведь только-только переехала сюда после развода.

И вот он запел. Я никогда в жизни не слышала такого адресного исполнения. Обычно же выпьют и зарепают: "Что стоишь, качаясь, тонкая ряби-и-ина". А когда тебе шепотом, глядя в глаза, с таким чувством поет человек, и все при этом замирают, и песни такие, что с ума сойти...

Я понимала, что понравилась ему: женщину не обманешь. А он — мне. Потом уже я заметила, что во всех компаниях он был лидером. И не потому, что шумный и громкий, а за счет своего ума и юмора.

— С этого вечера все и закрутилось?

— Он пел тогда до семи утра. Ближе к рассвету я говорю: "А чьи это песни такие хорошие?" Он: "Ничего, что мои? А вы меня не знаете?" — "Нет. Но лицо ваше знакомо". Соврала, чтобы его не обижать.

Уму непостижимо, как мы не пересеклись раньше. Мы потом сопоставили, и оказалось, что ходили в одни и те же дома. Был такой модный художник Виктор Шапов. Он один в Москве ездил на "Мерседесе", еще до Высоцкого. Небольшого роста, но с потрясающей энергетикой. У него все жены были как минимум на четыре головы выше. Я к Вите ходила как к себе домой. А он был другом Визбора. Когда Юра разошелся с Адой Якушевой, он ночевал у Вити в ванне. То есть я уходила от Вити, а вечером приходил Юра со своих гулянок, спать в его ванне.

— Значит, было еще не время...

— После той ночи я влюбилась в этого человека, и начался у нас очень бурный роман. А на третий день он улетел на Украину, на концерты. Мы познакомились примерно 23 сентября, а 27-го — у меня день рождения. Утром получаю телеграмму: поздравляю, какие-то ласковые слова и подпись — Борман. Думаю: что за еврей у меня появился? Моя мама всегда мечтала, чтобы муж у меня был еврей. Она говорила: "Почему вокруг тебя всегда армяне, грузины, молдаване? (Тихонов был молдаванин). Нет бы еврей — человек, который всегда будет в дом все приносить, ничего не будет уносить". А еврей за мной никогда не ухаживали, я для них, наверное, была внешне слишком легкомысленной. Короче говоря, я так и не поняла, кто меня поздравил.

Приезжает Юра с букетом полевых цветов: "Ты мою телеграмму получила?" — "Нет". — "Как?! Я же просил вручить в 9 утра". — "Мне и вручили в 9, но не твою, а от какого-то Бормана". И тут Юра говорит: "Боже! С какой дремучестью меня угораздило встретиться!"

31

Нина ТИХОНОВА-ВИЗБОР:
"Когда я только с ним познакомилась, мне говорили: ты с ума сошла! Это такой... э-э-э... ловелас, мягко говоря"

"И лучше дома нет, чем собственный твой дом..."

— Если мерить диванами, коврами, бриллиантами, Визбор был совершенно нищий человек. Он принес в мою однокомнатную квартиру печатную машинку, у которой застряло несколько букв, рюкзак, летнюю куртку из кирзовою кожи и кейс. Это был весь его багаж. Мир вещей его не интересовал. У нас долго был черно-белый телевизор. Все думала купить цветной, но Юра не хотел. Как-то он уехал в командировку, и я так купила. Визбор вернулся, смотрит телевизор и ничего не говорит. На четвертый день я не выдержала: "А ты ничего не замечаешь?" — "Нет". — "Ну пойдй внимательно посмотри". — "Ничего". Я включила телевизор: "Ну вот же — цветной!" — "А! А я думаю: что мне так мешает..." Я думала, это игра, но таких случаев было очень много. На какие-то бытовые вещи он не реагировал.

— У него не было своего жилья?

— Была однокомнатная квартира на улице Чехова. Он использовал ее как кабинет и библиотеку. Из мебели там был холодильник, в котором хранились только минералка и... туалетная бумага.

"Ходило множество "скотин" вокруг чудеснейшей из Нин..."

— С дачи на лето он уезжал легко, потому что летом всегда был в горах. То на Памире, то на Алтае, то в Тянь-Шане.

— Вы не ревновали его, когда он уходил в походы? Тем более вам его отрекомендовали бабником.

— Я понимала, какие женщины по жизни у него были. Ада Якушева — пишет потрясающие песни. Жена Уралова — актриса. А кто такая Нина Тихонова? Песен не пишет, на сцене не играет, творчеством не занимается. Я вот к этому ревновала. Его интерес к женщинам лежит в определенном русле.

— Среди альпинисток бывают барды...

— Барды бывают, но я понимала, что Юре нравятся женственные барышни. К женщинам с рюкзаками я не ревновала. Что меня в нем сразу поразило — это мужская преданность друзьям. Сколько раз было: если кому-то требовалась помощь, Юра бросал все и летел туда. Или, например, их компания на майские праздники всегда ходила в байдарочный поход. Первый раз я ему говорю: ну как же ты можешь, наш роман только начался, такой красивый, и все такое. Он ответил: "Нина, это святое". К этому я привыкла не сразу, сначала жутко обижалась. Кстати, до сих пор этот майский поход существует, и до сих пор у них нет командора. Командором был Визбор, и это место за ним осталось.

— А он не ревновал? Ведь вы, судя по всему, были эталонной светской львицей...

— Я думала, что за ним нужен будет глаз да глаз. А получилось все наоборот. Он дико ревновал! Я должна была отчитываться. Мы снимали дачу во Внукове, а работала я аж на ВДНХ. У нас у каждого была машина, но он не позволял мне ездить самой: вставал вместе со мной в 6 утра, отвозил через всю Москву, возвращался обратно, а вечером снова ехал забирать. Так продолжалось год. Потом он сказал "баста", и я ушла в журнал, поближе. Окна редакции выходили на стоянку, и там вся редакция тоже смеялась: ровно без четверти шесть вечера Визбор тут как тут. Он считал, что я такая неотразимая и вокруг меня вьются поклонники, даже песню написал. Но никто не вилял.

"Пройдет сентябрь по цинковой воде..."

— Для нас сентябрь был каким-то особенным месяцем. Я родилась в сентябре, встретились мы в сентябре, Юра ушел из жизни в сентябре. 17 сентября родилась мама — 17 сентября умер Юра. 16 сентября умирает моя мама — 22 сентября умирает Юрина. Это вообще мистическая история.

После смерти Юры мы стали очень близки с его мамой. В молодости это была статная, красивая женщина, с массой поклонников, украинка по фамилии Шевченко. За ней ухаживал Косыгин, даже делал ей предложение. Когда Юра ушел, Мария Григорьевна сильно растерялась: от нее скрывали болезнь. Каждые выходные я забирала ее к себе, и у нас происходили семейные обеды на троих — была еще и моя мама. И всякий раз Мария Григорьевна говорила одну и ту же фразу: "Господи, Надежда Степановна, мы с вами в таком возрасте (они обе были 1912 года)... У меня од-

на мечта — чтобы нам с вами вместе умереть". Она была здоровая, никогда ничем не болела, а моя мама перенесла 5 инсультов. И вот: моя мама умерла 16 сентября, а ровно через неделю ушла из жизни Мария Григорьевна. Что-то такое в этом есть, я даже не могу пока разобраться.

А еще в 1981 году Юра написал песню "Пройдет сентябрь по цинковой воде". В ней он предсказал не только месяц своей смерти, своего "прикосновения к земле", но и погоду: в день его смерти стеной лил "цинковый" дождь.

— Нина Филимоновна, насколько вообще автобиографичны его песни?

— Практически все автобиографичны. Он сам говорил: "У меня нет абстрактного творчества". Если он написал повесть — то о конкретных людях. Если стихи — то по конкретному событию.

Он был незапамятный. Я не знаю, что надо было сделать, чтобы он в ответ написал злое стихотворение. Таких он написал два. О людях, которые были ему близки и которые очень известны. Одно — "Укушенный" — посвящено жене. Первую строчку он продиктовал мне в реанимации: "Ах, жертва я доверия, беды своей родитель". Другое: "Блажен, кто поражен летящей пулей, которую враги в него пуляли". Также конкретному человеку посвящено, другу, барду... Осталось только имя

произнести, но не произнесу. Ничего общего у меня с этими людьми сейчас нет. Потому что самые последние слова Юры были: "Этих людей я не прощаю". Меня это поразило ужасно, потому что было не свойственно ему совсем. Какая же обидела у него в глубине! Он не вспомнил о маме, детях, жене, а сказал эти слова. Я, как верующий человек, должна уметь прощать, но так и не научилась этому за всю свою жизнь...

— А он верующий был?

— Он не читал молитв, не ходил в храм. Но когда за ним приехала реанимация и ребята подняли его на ступе и стали выносить, он на пороге попросил развернуть его к окну и вдруг положил та-а-акой широкий крест. Никогда раньше этого не видела. У каждого ведь приходит свой час, когда он обращается к Богу. Я поняла, что в ту секунду он попросил Бога о спасении.

"Может, снег на наши лица вдруг падет да не растает..."

— В апреле 84-го он уехал с Рюминым и другими космонавтами кататься в горы. И вернулся оттуда с каким-то желтым загаром. И все время говорил, что плохо себя чувствует. Он не привык ходить к врачам. Максимум мог позвонить другу, врачу-травматологу, и рассказать, что у него болит. Так мы дотянули примерно до 15 июня. А 20-го ему исполнилось 50, и все готовились к юбилею. Шли обсуждения, где и как отмечать. И тут наш приятель Арманд Хаммер, сын того американского миллиардера, приехал как-то к нам и говорит: "Вы делаете что-то не то, надо его везти на компьютер". Поездили Юру на Пироговку 17 или 18 июня. Нам там ничего не сказали, поэтому мы уехали в радостном настроении: раз молчат, значит, все нормально.

20 июня в 10 утра за мной заехал Хаммер: надо было забрать из больницы заключение врачей. И вдруг заведомо томографии говорит: "Вашему мужу жить три месяца. И не мучайте его. Рак 4-й степени". А это же день рождения. У меня истерика — сопли, слезы. Как войти в дом? Решили сказать, что у меня аллергия. Арманд зашел первый: "Какая у Нины сильная аллергия!". Юра: "О, это я знаю, сейчас войдет — глаз нет, лица нет, все течет". Такая я и вхожу. Юра: "Ну ты не могла обойтись без этого даче в день рождения!"

В доме — куча нарков. Везде — цветы, цветы, цветы. А Юра лежит на диване. Как в гробу. На меня это все произвело ужасное впечатление.

— Он не вставал? Что болело?

— Печень. Все нутро болело.

Вот уже 20 лет отмечаем Юрин день рождения и вспоминаем тот юбилей. Человек сгорел за три месяца, полный планов и задумок...

— А он не догадывался?

— В конце, конечно, догадывался. Тогда считалось, что больным нужно говорить всю правду, чтобы могли мобилизоваться все силы организма. Но профессор мне сказал: "Юра — очень светлый человек. Не надо, чтобы он знал. Какие бы ни силы ни включил, это ему не поможет". И мы придумали историю, что у него гепатит и что он вот-вот поправится. Он вроде повеселел. А однажды, когда у него был Юлик Ким, Юра ему сказал, что вынужден играть перед Нинин весельчака, хотя испытывает невыносимые муки и готов застрелиться, если Юлий принесет ему пистолет...

"Тот век рассыпался, как мел..."

— Тогда считалось: как можно петь о любви, о горах-ручьях, когда тут страсти кипят: идет охота на волков и т.д. На этом фоне Визбор казался пригласенным. А когда прошло время... Это как Есенин. Какое бы время ни было, а про клен опавший ты всегда будешь петь.

— А вообще он политикой интересовался?

— Болел, переживал. Когда пришел Черненко, чуть не умер от огорчения. А когда Горбачев только переехал в Москву, Юра сказал: это наша надежда. А с ним общался еще в Ставрополе.

— Визбор перестройку не застал, а ваши ожидания новые времена оправдали?

— Я сама стояла под Белым домом в 91-м, рыдала-плакала, все бинты вынесла из дома, пирожки принесла. Но когда потом увидела, что происходит... Мне такая демократия, извините, на фиг не нужна. Меня спрашивают: "Как бы к этому отнесся Визбор?" Плохо бы отнесся, очень плохо. Думаю, он умер бы. Потому что он человек был очень ранимый и сострадательный. А наши нынешние старики — это же люди, брошенные под откос с поезда, целое поколение. Я понимаю, всем поворну раздать невозможно. Но когда тебе эти старики подарили будущее, а ты прожирался в Швейцарских Альпах по 20 тысяч долларов в сутки... Это как минимум аморально.

— Вы обронили, что занимаетесь бизнесом под названием "Юрий Визбор"...

— Это у нас с друзьями такой юмор. Существует Фонд Визбора. На его счет в данный момент 4000 рублей. Было время, когда после своих концертов мы целый год отдавали долги.

— Эту свою деятельность вы воспринимаете как миссию?

— Остаться вдовой в 45 лет — трагедия для женщины. Были, конечно, люди, предлагавшие разделить с ними остаток жизни. Но я поняла вдруг, что вся оставшаяся жизнь пойдет у меня в сравнении. А человек, который будет рядом со мной, не заслуживает такого отношения с моей стороны. Поэтому я однажды четко решила: эту жизнь я посвящаю только одному — тому, что при жизни Визбор недоделал, недополучил, недо... недо... Поэтому я должна издать все его книги, все его диски. Как бы отдать его творчество в новое поколение. Я это делаю.

Константин РЯЗАНОВ, Сергей ФЕКЛЮНИН.